

ЮБИЛЕИ

На днях в редакцию поэт Александр Лозневой принес стихи, посвященные ветерану комбината И. Б. ЗЕЛЬСКОЙ. В эти дни она отмечает «круглую» дату.

*Так мало пройдено, а сколько пережито,
А сколько передумано в тиши,
Просеяно сквозь жизни сито,
Пропущено через огонь души.*

*Была любовь. И плач, и стон разлуки,
И труд, и счастье... Что ни говори,
Через твои, вот эти золотые руки,
Прошло руды, наверно, с пол-горы.*

*Но все, что сделано, не позабыто.
С годами ярче подвиг твой
На той промывке знаменитой
С холодной ржавою водой...*

Пламя Второй мировой войны опалило миллионы людей нашего и других государств. Миллионы людей лишились крова, а дети — своих родителей. В трудные годы широко раскрылась душа нашего народа, не пожалевшего ничего для спасения детей. Но нашлись и такие, кто спасая себя, забывал про детей...

— В 1941 году, летом, мы, школьники из Минска, дети 8—15 лет, отдыхали в пионерском лагере недалеко от г. Бобруйска, — рассказывает Елизавета Ароновна Равинская, теперь пенсионерка, — 26 июня мы должны были вернуться домой, но 22-го грянула война. До дома же было далеко. В лагере было 125 человек, 75 разобрали родители — жители Бобруйска, а наши не смогли приехать за нами: Минск бомбили с первых дней войны.

Директор лагеря собрал нас и сказал, чтобы мы не волновались, что он защитит нас, что мы должны держаться «один за всех и все за одного», а сам же забрал единственную лошадь с повозкой, почти все продукты, заехал в город за женой и ребенком и отбыл в неизвестном направлении... Нас не бросили четверо ребят — пионервожатых. Они действительно совершили героический поступок: простились со своими родными в Бобруйске и 26 июня, когда по радио передавали, что армада бомбардировщиков движется к городу, вывели нас в лес.

Трое суток мы шли пешком на восток. Шли с пионерскими галстуками и говорили, что не снимем их даже если нас будут пытаться и стрелять. Ведь мы уже слышали, что фашисты убивают пионеров и коммунистов, а также партизан и евреев. Так мы дошли до Вдовска. Тут мы встретили воинские части, шедшие навстречу фашистам. Они предоставили нам автомашины, идущие за боеприпасами в Гомель. Хотелось бы сказать воинам большое спасибо.

Нас было уже 54 человека: по дороге к нам присоединились четыре мальчика из Польши. В Гомеле местные жители покормили нас и к вечеру отправили дальше на восток. Где бы мы ни останавливались, нам старались помочь взрослые. Делились последним, что было у них, в колхозах снабжали продуктами. До Лиски в Воронежской области мы долго добирались в пультманах. Встретили по-отечески, отправили в пионерский лагерь в Шатрищи, где мы пробыли до начала учебного года. Персонал старался кормить нас получше. Больных лечили: у меня, распухли ноги от укусов комаров, когда мы ночевали в лесах, но огромное спасибо врачу — вылечила меня.

Родители отдыхающих в лагере детей собрали денег, купили материала и сшили девочкам черные сатиновые юбочки, а мальчикам короткие штанишки и рубашки из розового сатина. Это был для нас настоящий праздник! Ведь мы ушли из Бобруйска в чем были, взяв с собой только одеяла и продукты, оставшиеся после бегства директора.

В конце августа нас разделили и отправили в детдома, пионервожатые пошли в военкомат. Больше мы их не видели и не знаем, как сложилась их судьба, а хотелось бы знать. Они были настоящими патриотами.

Когда немцы стали подходить к Воронежу, пришлось расстаться с гостеприимным детдомом, и в конце октября мы шли пешком до Воронежа — в дождь и слякоть. А там — эшелон.

Найдено пенсионное удостоверение Каменской Раисы Матвеевны. Обращаться в совет ветеранов АО ММК, комн. 108 по адресу: ул. Кирова, 84 А (здание отдела кадров).

Судьбы людские

Детство, опаленное войной

Помню, что 7 ноября мы стояли в Семипалатинске. Там, в Казахстане, на каждой станции оставляли группы ребят из детдомов Воронежа. Нас же довели до Карагандинской области и оставили в Осакаровском районе, где и сняли с поезда. Кругом глубокий снег, а мы приехали почти голыми. Но каждого выносили на руках, укутывали в тупулы, посадили в сани. Потом снова детдом. Там я тоже болела, и женщина-врач, эвакуированная из Ленинграда, дважды вылечила меня.

Летом в кюльхозе мы чистили тока и собирали колоски. Неожиданно туда приехал отец моей подруги Евгении Островской. С ней до войны мы жили в одном доме, дружили и вместе поехали в пионерлагерь. Отец ее нашел через Бугурусланский эвакупункт, куда стекались все сведения о беженцах. Где бы ни были, мы всегда отправляли туда свои списки. Благодаря этому, он и нашел свою дочь. Меня же папа тоже находил, но не успевал приехать, так как мы вновь отправлялись в путь...

После сельхозработ нас отправили в другой поселок, где условия были значительно хуже: жили в холоде, голодали. Я опять заболела, и меня поместили в изолятор, где я пролежала до мая 1942 г. И тут мне повезло с врачом — спасла меня от губительного заболевания легких. Но об этом я узнала значительно позже. Кажется, ее звали Лидия Ивановна. Я ей очень благодарна до сих пор.

После окончания школы нас отправили в Балхаш, в ремесленное училище. Наша группа попала на обучение к мастеру Селютину, мы учились на машинистов-паровозов.

Говорят, чудес не бывает. Аннет, бывает! Вдруг получаю письмо от родного брата из Чарджоу. Он написал, что покинул Минск с последним составом, успешным выехав из горящего города. Сообщила, что маму с двумя сестрами, якобы, вывез на машине из города папин племянник. Что папа 20 июня уехал из Минска в дом отдыха, но началась война, и он не сумел пробиться домой. А сам он, мой брат с братом Гени Островской Борисом и с подругой моей старшей сестры Фирой Роговской уехали из города. В Куйбышеве они с Борисом поступили в ремесленное училище: надо же было где-то жить и во что-то одеться... На узловой станции Кинель, под Куйбышевым тоже был эвакупункт, и Юра, мой брат решил побывать там и выяснить что-либо о родных. Он понимал, что мы, то есть я и папа, могли остаться в живых.

К сожалению, а вернее к счастью, Юра приехал в Кинель в конце рабочего дня и ему пришлось ждать открытия эвакупункта до утра. И вот, переночевав кое-как на привокзальном базарчике, выйдя из своего убежища, увидел в толпе знакомый профиль и не поверил своим глазам — папа! Он закричал так, что все сбежались на этот крик.

Затем они уже вдвоем стали искать меня, так как уже знали через тот же Бугуруслан, что я жива. Они были в Узбекистане, а затем поехали в Киргизию, где в Талассе «приземлились». Там они сразу стали работать, но тоже недолго были вместе: папу звали в трудовую в Фрунзе, брат же стал обивать пороги военкомата, но ему не было еще и 17. Однако он добился

своего, и в конце 1943 г. его отправили в снайперское училище в Чарджоу, где он случайно встретился с минчанкой — матерью Семена Гобермана, с которым я была в пионерском лагере. Когда Юра стал его расспрашивать с кем из минчан он был в лагере, тот, естественно, назвал меня и моих подруг. Брат упал в сморок. Когда пришел в себя, рассказал им, что Лиза Милых — его сестричка. У них в доме брат написал мне письмо, которое меня поразило, как громом, отправил письмо папе во Фрунзе. Вот такие чудеса были во время войны...

Когда папа узнал, что я жива и где я, ему дали отпуск в трудовую. Встретились мы с папой — плакали, ведь мы не знали, что с мамой и двумя сестрами, которые оставались в Минске. В ремесленном были уверены, что папа заберет меня, но директор, все его называли «моргун», был иного мнения. Сказал, что я мобилизована и что он не имеет права отпустить меня без разрешения министерства и т. д. Ремесленное было, как растревоженный улей. Не укладывалось в голове: в этой всенародной трагедии встретились случайно родные души, а этот чиновник не может ничего сделать... В милиции были иного мнения, и когда папа пришел отметить отпускное свидетельство, в котором было написано, за чем он сюда приехал, ему сказали, чтоб зашел через день за пропуском для ребенка. Там не стали уточнять, где и что делает 13-летний ребенок. И так я должна была сбежать из РУ. Я сделала это уехала с отцом. 4 января 1944 года мы с папой добрались до Фрунзе. Там мы прожили до конца войны. Только в 1949 г. вначале папа, а

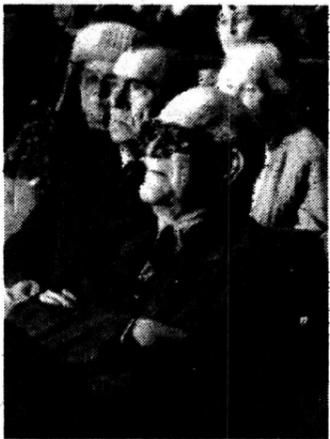
затем и я побывали в Минске. Были и в Смоленске, где служил брат. Ведь солдаты, которые прошли войну, еще не скоро вернулись домой. Потом в 1951 г. брат вернулся, осел в Магнитогорске, и я в 1961 году переехала к нему, а папа остался на Украине.

Сейчас я пенсионерка, и так хочется еще раз сказать спасибо всем людям, которые принимали участие в нашей судьбе, хотя их и нет тут. Но есть другие, которые совершали в Магнитке подвиг, приютили всех эвакуированных и делили с ними хлеб и кров. Спасибо Вам, люди!

Записал М. ПЕТРОВ, председатель совета ветеранов кустового ремонтного цеха горно-обогатительного производства.

Самый молодой пенсионер

Борис Иванович Буйвид в сентябре отметит свое 80-летие. Но годы делу не помеха — не захотел Борис Иванович сидеть дома да жаловаться на жизнь и правительство. И сегодня юбиляр — заместитель председателя совета ветеранов вместе с союзом молодых металлургов решает молодежные вопросы.

отношение молодых к работе.

Борис Иванович убежден, что в первые годы реформ комбинат потерял многое, забросив молодежные проблемы.

Наверное, бегство молодых из цехов в коммерческие ларьки нельзя было остановить, и тут с Борисом Ивановичем трудно согласиться — Доской почета и призами за победу в трудовом соревновании этой проблемы не решить. Но вот в чем безоговорочно прав юбиляр — если махнуть на молодежные проблемы рукой, беда не заставит себя ждать. Сегодня средний возраст работников АО ММК — 40 лет. Такого не было на комбинате никогда.

А что завтра? Время покажет. Но за два последних года сделано немало. Молодежные вопросы еженедельно обсуждаются на совещаниях к генеральному директору АО ММК А. И. Старикова, принято положение о работе с молодежью на комбинате. Уже в этом году профессионально-технические училища укомплектованы лучше, чем в недавнем прошлом, когда на некоторые металлургические специальности не поступало ни одного заявления.

В совете ветеранов работы хватает. Надо и пенсионерам помочь с выплатой пособий. И со строительством дома, в котором ветераны будут жить под присмотром медиков и социальных работников, тоже полно проблем. И служба ритуальных услуг, инициатором создания которой был Борис Иванович, также требует внимания — очень большой для многих вопрос. Всего и не перечислять.

Борис Иванович пытается привлечь к общественным делам и бывших своих коллег, с которыми когда-то работал. И сетует на то, что немногие из них решили-таки трянуть стариной. Большинство дорожке покой, и, безусловно, они его заслужили.

Но Борису Ивановичу не сидится на месте, и отправляться на покой, он считает, рано. Очень необычный он пенсионер, ведь старшее поколение, во многом обиженное нынешней властью, живет со справедливым убеждением, что с ними и за прежние заслуги не расплатились. А Буйвиду думать об этом некогда. Он и, к политическим вопросам относится как к кадровым проблемам — ну, уберете нынешнего президента и премьер-министра, а где найдете таких, которые бы не ошибались?

«Пройдет время, — говорит Борис Иванович, — и мы уйдем. Кто останется после нас?» Не дает ему покоя этот вопрос.

Вот так и живет юбиляр — заботами завтрашнего дня. Дай Бог ему побольше этих дней.

А. ПРОСКУРОВ, пресс-служба АО ММК.

4 МАГНИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛ